Калмыцкие сказки

Лотос

Да, идут годы, текут седые века, и никто никогда не удержит их могучего бега. Будто недавно мои сморщенные руки были сильными и молодыми. Была молодой и та, лежащая в храме Тюменя [Храм, названный именем нойона Тюменя].

Молодой и прекрасной, как ранняя весна, была Эрле, дочь Сангаджи. И у многих сердца бились, видя её, и не забывались её глаза, тёмные, как ночь.

Эрле была красива, как первый проблеск весенней зари. В высокой траве у задумчивых ильменей проводила она знойные дни, весёлая, здоровая, гибкая. Подражала крику птиц, перепрыгивала с кочки на кочку, жила жизнью степных болот и знала самые сокровенные их тайны.

Эрле росла. А Сангаджи кочевал то близ широкой Волги, то по тихой Ахтубе. Летело время, множились табуны. Немало приезжало и купцов из Персии и из Индии, много добра накупил у них богатый Сангаджи для своей дочери.

Часто длинные караваны сытых верблюдов отдыхали у его кибитки, и руки рабов то и дело передавали в руки Сангаджи переливающиеся на солнце дорогие цветные шелка.

Знатные сваты в богатых, ярких одеждах слезали с коней за пятнадцать шагов, бросались на землю и ползли к Сангаджи.

Лунная летняя ночь дышала испарениями влажной, покрытой тысячью цветов земли, в тишине вздыхали верблюды, кашляли овцы, пели комары, трещали сверчки, стонали луни, спросонья вскрикивала какая-то птица. Жила и радовалась волшебница-степь, навевала красавице Эрле дивные девичьи сны. Улыбаясь, раскинув смуглые руки, лежала она на дорогих бухарских коврах.

А её мать, старая Булгун, сидела у её изголовья, с глазами, полными слёз, в глубоком горе.

«И зачем это так раскричался ночной кулик,- думала она,- зачем так печально шумят над ериком вётлы и о чём вполголоса говорит Сангаджи в соседней кибитке с богатым сватом?.. Милая моя Эрле! Когда я носила тебя под своим сердцем, я была счастливей, чем сейчас, ведь никто не мог тебя отнять у меня».

А в то время Сангаджи говорил знатному свату:

- Ничего мне не надо за мою Эрле потому, что она дороже всего на свете. Разреши мне поговорить с женихом, я хочу узнать, сколь он разумен, и пусть Эрле сама скажет ему свои условия.

Обрадовался сват, вскочил в седло, поскакал к нойону Тюменю и рассказал о том, что, видно, положат скоро Эрле поперёк седла и привезут к молодому Бембе.

Старая Булгун плакала у изголовья дочери. Поджав ноги, сидел Сангаджи и печально глядел на Эрле.

- И зачем она так быстро выросла,- шептал Сангаджи,- и почему какой-то сын нойона Тюменя должен отнять у нас Эрле, весёлую, как весенний ручеёк, как первый луч солнца?

Шли дни, бродили табуны по сочной траве Ахтубинской долины. Накапливался жир в верблюжьих горбах и в овечьих курдюках. Печальны были мать и отец, только Эрле по-прежнему веселилась в цветущей степи. Вечерами дочь обвивала руками седую голову матери и шептала ласково о том, что не скоро уйдёт от неё, что ещё рано ей покидать стариков и что не страшит её гнев свирепого нойона Тюменя.

У слияния двух рек догнали сваты нойона Тюменя и сына его Бембе.

Бембе не решился беспокоить Эрле, приказал раскинуть палатки на другом берегу сухого ерика и заночевать.

Не спал Бембе, не спал и Сангаджи. Красны были от слёз глаза Булгун.

Богатые цветные наряды сватов играли радугой на утреннем солнце. Впереди всех ехал Бембе, сын беспощадного, свирепого нойона Тюмени, чьё имя приводило в трепет всю степь.

- Пусть сама Эрле скажет тебе условия,- промолвил Сангаджи, когда Бембе заявил о том, что Эрле

нужна ему, как сурепка верблюду, как ильмень утке, как земле солнце.
Громче заговорила степь и запели в реке волны, выше подняли голову камыши и приветливо смотрели верблюды, когда вышла к гостям красавица Эрле.
От великих гор до долины реки Или и глубокого озера Балхаш ездил Бембе, видел он тысячи прекрасных женщин, но такой, как Эрле, нигде не видал.
- Всё, что хочешь, проси,- сказал он ей,- только согласись.
Улыбнулась Эрле и сказала:
- Бембе, сын знатного нойона, я рада видеть тебя и вечно останусь с тобой, если ты найдёшь мне цветок, прекраснее которого нет не только в нашей степи, но и во всём мире. Я буду его ждать до следующей весны. Ты найдёшь меня на этом же месте, и, если принесёшь цветок, я стану твоей женой. Прощай.
Собрал нойон Тюмень нойонов и родовых старейшин и сказал им:
- Объявите всему народу, чтобы тот, кто знает о таком цветке, пришёл без страха и сказал об этом за большую награду.
Быстрее ветра облетел степь приказ Тюмени.
Однажды ночью к кибитке нойона подъехал запылённый всадник. А когда впустили его в кибитку, он сказал нойону:
- Я знаю, где растёт желанный твоей красавице Эрле цветок.
И он рассказал о своей чудесной стране, которая называется Индией и раскинулась далеко за высокими горами. Там есть цветок, люди зовут его священным лотосом и поклоняются ему, как богу. Если нойон даст несколько человек, он привезёт лотос, и прекрасная Эрле станет женой Бембе.
На другой день шесть всадников пустились в путь.
Скучно рассказывать о том, как жил Сангаджи холодной зимой. Северо-восточные ветры загнали скот в крепи [Крепи - здесь: специально сделанные загоны], а сам он целыми днями лежал и слушал, как за землянкой пели невесёлые песни степные бури. Даже весёлая Эрле тосковала о солнце и ждала весны.
Она мало думала о том, что когда-нибудь возвратится страшный Бембе. А тем временем шесть всадников держали путь на восток и уже достигли долины реки Или. Они спали и ели в седле. Бембе торопил их, и задерживались они только для того, чтобы добыть охотой еду.
Много лишений пришлось перенести им, пока они не достигли таинственной Индии. Дикие степи, высоченные горы и бурные реки встречались им на пути, но всадники упорно ехали вперёд.
Наконец они прибыли в Индию и увидели чудный цветок - лотос. Но никто не решался его сорвать, все боялись навлечь на себя гнев богов. Тогда на помощь им пришёл старый жрец. Он сорвал лотос и отдал Бембе, сказав:
- Помни, человек, ты получил прекрасный цветок, но потеряешь нечто ещё более прекрасное.
Не слушал его Бембе, схватил лотос и велел немедленно седлать коней, чтобы пуститься в обратный путь.
Всё реже и реже дул свирепый ветер, а солнце всё дольше оставалось в небе. Близилась весна, а её так ждала бледная, исхудавшая Эрле.
Напрасно ходили в землянку её отца знахари, напрасно поили её разными травами, с каждым днём таяла Эрле, как снег под солнцем. Не могла больше плакать Булгун. Безумными глазами она смотрела на свою дочь, уходившую от неё навсегда, а когда запели птицы и зацвела степь, Эрле не могла уже встать. Худой рукой она гладила обезумевшую от горя мать, а глаза её по-прежнему смеялись тихо и ласково.
Если бы птицы могли говорить, они сказали бы Бембе, чтобы торопил он своих коней, потому что

скоро, скоро перестанет биться сердце Эрле. Но и без того торопился Бембе. Оставалось уже немного пути. Усталые кони, с налитыми кровью глазами, спотыкались и чуть не падали от изнеможения.
Знатные сваты неслись навстречу Бембе.
- Торопись, Бембе!- кричали они.- Твоя прекрасная Эрле умирает.
И когда уже показалась кибитка Сангаджи, все увидели, как из неё, пятясь, выходят мать и отец. Всадники поняли, что Эрле умерла. Печально опустил поводья Бембе. Он не увидел живой прекрасной Эрле, не увидела и Эрле цветка, прекрасного, как она сама..
Схоронили её на берегу Волги, а в память Эрле выстроил Бембе храм.
Тёмной ночью Бембе ушёл в камышовые заросли устья и посадил там чудесный лотос.
И до сей поры растёт там прекрасный этот цветок.